

Метро. — 2003. — 6 нояб. — с. 6.

В примадонны
из кондитерского цеха

— Вашу звезду зажгет Станислав Ростоцкий?

— Нет, скорее Герасимов. Это он посоветовал Ростоцкому присмотреться ко мне поближе — и в результате я стала героиней фильма «На семи ветрах». Старшее поколение хорошо помнит эту картину — про дом на пересечении фронтовых дорог и девушку, мечтающую о возвращении любимого. «На семи ветрах» дали мне путевку в большое кино. Естественно, я до сих пор отношусь к этому фильму по-особенному, хотя прекрасно понимаю: лично моя работа у Ростоцкого не была ничем выдающимся, мне просто повезло. В ту пору я училась во ВГИКе, на курсе у Герасимова. Сергей Аполлинариевич трепетно относился к студентам, стремился нас пристроить — вот и позаботился обо мне.

— Но потом были Басов, Говорухин, Раппопорт, Ордынский...

— Как сказали бы сейчас, потом была «раскрутка образа». Но я скажу иначе: было великое счастье работать с этими людьми, учиться у них любимому делу, о котором я мечтала с детства.

— Лариса Анатольевна, ваш образ всегда был окутан некоторой таинственностью благодаря «иноземному» происхождению. Пресса не упускала возможности напомнить о том, что вы росли в Таллине, что дедушка ваш эстонец, — и это придавало вам особый шарм.

— Да, и дедушка, и вообще все по линии матери действительно были эстонцами, но папа — русский. Я родилась в Ленинграде незадолго до начала Великой Отечественной войны. Отец погиб на фронте, мы с мамой чудом пережили блокаду, а потом, после войны, вернулись в Таллин. Там и сейчас живут многие мои родственники. Именно там я получила первые уроки профессионального актерского мастерства — в школьном драмкружке под руководством Ивана Даниловича Россомехина. Между прочим, в том же самом кружке одновременно со мной занимались ныне московские артисты Игорь Ясулович, Володя Коренев, Виталий Коняев... Я страстно мечтала о сцене, но сразу после школы поступить в театральную не смогла, провалилась... Вернулась из Ленинграда — я там поступала — домой ни с чем, устроилась работать на кондитерскую фабрику и вдруг прочла в газете объявление о наборе манекенщиц в таллинский Дом моделей. По тем временам я считалась высокой: метр семьдесят два сантиметра. Взяли сразу! И фото на обложках, и подиум, и слава...

— А как же театр?

— Произошло «обыкновенное» чудо: меня заметили сотрудники «Таллифильма». Так я сыграла свою первую роль — певичку ночного кабаре — в эстонской картине «Незванные гости». А затем помощник режиссера Лейда Лайус, учившаяся тогда во ВГИКе, «сосватала» меня Герасимову. Впервые в жизни я приехала в Москву, трепеща от страха, прочла Сергею Аполлинариевичу какие-то стихи — и стала студенткой!

— Вот и сомневайся после этого насчет роли случая в судьбе...

— А я не сомневаюсь. Я точно знаю: случай решает очень многое. Если бы не Лейда, не покровительство Герасимова... Кто знает, что было бы тогда?..

— Ваша слава набирала обороты с невероятной скоростью. После успеха в СССР вы снимались в ГДР и, насколько мне известно, вам даже предлагали остаться там навсегда?

— Да, предлагали. Режиссеры киностудии «ДФА» положили на меня глаз после «Семи ветров». Для начала поступило предложение сняться в многосерийном фильме «Доктор Шлюттер». Потом состоялись еще пять интересных работ... В общей сложности я провела в Германии четыре года. Сносно выучи-

Лариса Лужина
В жизни многое
решает случай

Перепутать с кем-то актрису Ларису Лужину просто невозможно: чересчур яркой и специфической внешностью наградила ее природа. Лицо Лужиной становилось визитной карточкой любого фильма, в котором она снималась. Особенно в 1970-е, когда Лариса Анатольевна была нарасхват у самых маститых режиссеров. Причем не только советских — ее много снимали за рубежом. Лужина тогда удостоилась нескольких высших кинопремий Германии. С воспоминаний о той звездной поре и начался наш разговор.

Одна из любимых фотографий Ларисы

Лариса с сыном Павлом

Лариса Лужина. Таллинский период

ла немецкий, стала почти своей — и в результате драмтеатр Карл-Маркс-Штадта пригласил меня в свою труппу. Но я отказалась — ведь в Москве меня ждало столько интересной работы!

— Потом сильно себя ругали?

— Никогда.

— Не жили бы сейчас где-нибудь на вилле с видом на море, а не в квартире на Крылатских холмах.

— Не жилось не люблю. И не нападите на Крылатское. По-моему, хороший район. Даже элитным считается.

— Местные жители вас узнают?

— Конечно. Есть время разглядеть, когда вместе в очередях стоим и по холмам до метро топаем... Если бы я каталась в «Линкольне» или «Мерседесе», наверное, боготворили бы. А так — относятся по-свойски. Но жить не мешают.

Только раз пожалела
о разводе

— Это правда, что Владимир Высоцкий посвятил вам песню: «Куда мне до нее? Она была в Париже...»

— После того как Марина Влади и Никита Высоцкий сами громкогласно об этом объявили, могу признать и я. В некоторых сборниках даже пишут посвящение. Хотя сама я никогда не стала бы претендовать на такие «лауры» — это все Говорухин затеял, рассказал на каком-то светском сборище,

как песня создавалась... Мы с Володей познакомились на съемках знаменитой говорухинской «Вертикали»: целый месяц проторчали в горах, в палатках, на высоте 4 000 метров. Делать было нечего. По вечерам травил байки — кто во что горазд. Я рассказывала про заграницу: к тому времени уже успела побывать на кинофестивалях в Каннах, Осло, Варшаве, Лондоне... Все они перечислены в песне... Володя на гитаре брэнчал, поглядывал. Ну а потом выдал «Куда мне до нее?»

— И там еще слова: «Наверно, я погиб...» Никогда влюбился?

— Возможно. Ему было необходимо состояние перманентной влюбленности. Но романа не было. Володя дружил с моим первым мужем — оператором Алексеем Чердыниным, часто бывал у нас в гостях на улице Удальцова. А потом, женившись на Влади, стал отдаляться, да и мы с Алексеем расстались. Все изменилось.

— Вы четырежды выходили замуж — и четырежды развелись. Почему?

— Разные были причины. Один раз я влюбилась и не посчитала возможным дурачить мужа, просто ушла. В другой раз точно так же оставили меня. С последним супругом, театральным администратором, и вовсе банальная история получилась: надоели друг другу до невыносимости. Теперь он второй год живет в Кирове, а я здесь — на Крылатских холмах. Время от времени он подумывает, не раз-

менять ли нам эту квартиру, мною заработанную. Сплошные банальности, как видите...

— Никогда не жалели о разводах?

— Жалела. И до сих пор переживаю, что не смогла сохранить семью с Валерой Шуваловым, оператором, отцом нашего сына Павлика. Нужно было хватать друг друга за руки и не отпускать, как только в отношениях появилась трещина... Я просчиталась, но поняла это слишком поздно.

— Вы говорите про сына «Павлика», а ведь ему за тридцать. Если не ошибаюсь, работает на «Мосфильме»? Сам, наверное, отец семейства?

— Он и до армии работал в тон-студии «Мосфильма», и вернулся туда же... Окончил Ленинградский институт киноинженеров. У Паши замечательная семья, двое детей: Даниле пять лет, Матвею десять месяцев. Живут они отдельно, так что я для внуков «праздничная бабушка» — не более того. Хотя мысленно я всегда с ними.

— Только с ними? И ничего сугубо личного?

— Все то хорошее, что могло со мной случиться, уже произошло. Вспоминаю все с радостью и благодарностью. Я даже играю об этом целый моноспектакль по пьесе Владимира Дьяченко. Называется «Жебичи» — в стиле осень.

— Никогда не поверю, что эта женщина уже ни о чем не мечтает.

— Конечно, мечтает... О работе!

Не умею проталкивать
собственные спектакли

— Есть артисты, которые берут режиссеров осадой и в конце концов добиваются нужных ролей. Вы не из таких?

— Угадали. Порой ненавижу себя за это. Ведь есть же роли, по которым буквально плачу! Когда Бондарчук снимал «Войну и мир», я видела себя княжной Марьей, я чувствовала эту роль, передала Сергею Федоровичу свои фотографии — но почему-то контакт не получился. Бондарчук выбрал другую актрису. Вероятно, я должна была проявить больше настойчивости, надо было бороться, а я не смогла...

— Судя по вашему «послужному списку», вы постоянно где-то снимаетесь...

— В эпизодах, к сожалению, только в эпизодах! Вынуждена. Во-первых, жить без этого не могу. А во-вторых, деньги необходимы. Мой оклад в Театре киноактера — 1 300 рублей. Это при том, что я народная артистка России. Плюс пенсия — тысяча семьсот. Все.

— Скажите мне как человек, проработавший в Театре киноактера с 1964 года: этот реликт подлечит реанимации?

— Конечно. У Театра давно нет главного режиссера, вот в чем беда. Мы как сироты. Труппа развалилась: было 180 человек, осталось 40. Ставим кто во что горазд. А ведь когда-то у нас ставили спектакли Вуррос, Герасимов, Гарин, Кулиш. Но никто об этом не помнит, все быльем поросло.

— Вы тоже пробуете силы в режиссуре?

— Нет, я упражняюсь в администрировании, но большей частью безуспешно. По моей инициативе уже дважды возрождался спектакль «Курица» с участием Конкина, Коноховой, Пожарского... Мы репетируем, входим во вкус, но как доходит до гастролей — сплошные неувязки. Я звоню в один город, в другой, третий... Меня просят подождать, а потом отказываются по каким-то неубедительным причинам. Я не умею настаивать, не способна рекламировать собственный труд, мне почему-то стыдно, и совсем не хочется этим заниматься. Однако — надо.

Есть еще один антрепризный спектакль «Фуршет со святой водой», время от времени мы играем его в театре «У Брода», но ведь это такая малость! Когда редко играешь — начинаешь забывать текст. И звук аплодисментов. А аплодисменты для актера — как наркотик.

— Сейчас публика с нетерпением ждет новых фильмов из эпопеи Светланы Дружининой «Тайны дворцовых переворотов». Говорят, у вас там хоть и небольшая, но весьма интересная характерная роль княгини Прасковьи Долгоруковой, главы семейного клана, суровой матери-командирши. Вы довольны этой работой?

— Вполне. Но характерность мою задолго до Светланы Сергеевны разглядел совсем другой человек — режиссер Семен Ильич Туманов. Сначала я сыграла у него в картине «Любовь Серафима Фролова» жесткую женщину, солдатку. Затем — еще более интересную роль в картине «Жизнь на грешной земле». Мне казалось, Туманов мог бы стать моим режиссером, я только что не летала от счастья, снимаясь в его фильмах. И в новом сценарии Семени Ильича была роль жены Серго Орджоникидзе, написанная специально для меня... Но помешала смерть Туманова. Что теперь?.. Смотрю фильмы. Вижу много ролей, в которых могла бы раскрыться «на все сто». Завидую тем, кто при деле. Мучаюсь: постоянно хочется играть. Постоянно.

Инна МОРОЗОВА